

Н. А. Бутинов

ОБЩИНА, СЕМЬЯ, РОД

В статье «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»¹ М. В. Крюков защищает тезис о том, что в первобытном обществе, помимо рода и семьи, имеется еще, как он пишет, «третий тип социальной организации» — то, что Д. Мёрдок называет кланом, Р. Фёрт — *gamage*, а М. О. Косвен — патронимией. М. В. Крюкова интересует вопрос о соотношении между этим типом социальной организации, с одной стороны, и родом, с другой.

Приходится, прежде всего, отметить, что под «третьим типом социальной организации» скрывается на деле не один, а два типа, различных стадияльно: один относится к эпохе расцвета первобытнообщинного строя, а другой — к эпохе его разложения.

Клан, в понимании Мёрдока, обладает следующими признаками. 1) однолинейный счет происхождения, сплачивающий его ядро, 2) территориальное единство (клан совпадает с локальной группой), и 3) социальная интеграция внутри клана, в частности, включение в клан лиц, пришедших по браку. Нетрудно видеть, что речь идет о родовой общине. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков, добавляет Мёрдок, означает, что группа не является кланом².

Gamage и патронимия, в отличие от этого, могут и не представлять собой единства в территориальном и экономическом отношениях: члены этих групп нередко живут в разных поселениях, разобщены экономически, их связывает общее имя, представление о происхождении от одного предка, несколько общих празднеств и взаимная помощь³.

Кстати, мне непонятно, почему М. В. Крюков приписывает Фёрту утверждение, будто «каждая такая группа в принципе локализована» (стр. 85), хотя Фёрт весьма отчетливо указывает, что *gamage* (на Тикопии *raito*) «не является территориальной единицей, ее члены могут быть разбросаны по разным деревням»⁴. Непонятно мне также, почему М. В. Крюков утверждает, будто термины «клан» и «*gamage*» для Фёрта однозначны. В действительности это не так. Во-первых, основную особенность клана Фёрт видит не в наличии сегментации, как пишет М. В. Крюков (кланов на Тикопии всего четыре, и это число остается постоянным), а в отсутствии экзогамии⁵. Во вторых, Фёрт отмечает, что клан состоит из нескольких *gamage*⁶.

¹ «Сов. этнография», 1967, № 6; см. также: М. В. Крюков, *Формы социальной организации Древних китайцев*, М., 1967.

² G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1949, p. 68.

³ R. Firth, *We, the Tikopia*, London, 1957, p. 354.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 371.

⁶ Там же, стр. 361.

Таким образом, М. В. Крюковым затронуты не одна, а две проблемы: 1) соотношение рода и родовой общины (клана), и 2) соотношение рода и патронимии (gamage). Это — разные проблемы, и первая ошибка М. В. Крюкова состоит в том, что он их не различает.

Проблема соотношения рода и родовой общины вызывает острые споры среди советских этнографов. Согласно одной точке зрения, род в его ранней, матрилинейной форме совпадает с родовой общиной. Согласно другой, родовая община имеет сложный состав: в ней есть родовое ядро и временная часть, состоящие из лиц одного и того же рода, и пришлая часть, состоящая из представителей других родов.

Первыми, кто увидели в общине сначала дородовой, а потом родовой, основную структурную ячейку первобытности, были советские этнографы и археологи. Достаточно напомнить о работах С. П. Толстова, С. А. Токарева, П. П. Ефименко⁷. Хочу еще раз подчеркнуть, что община, теоретически осмысленная как основная структурная ячейка первобытности, была впервые открыта советскими этнографами и археологами, и это вполне закономерно, так как сделать такое открытие можно лишь стоя на позициях марксистско-ленинской теории.

Поэтому неправ М. В. Крюков, когда он приписывает открытие родовой общины (клана) Мёрдоку. Родовая община — это не тот социальный институт, который можно не заметить, и который нужно кому-то специально открывать. Суть проблемы не в том, чтобы открыть родовую общину, а в том, чтобы открыть в родовой общине, не совпадающей с родом, основную структурную ячейку первобытности. А вот это, действительно, не просто, и этого не смогли сделать ни Фёрт, ни Мёрдок. По мнению Мёрдока, например, клан — это нечто производное от семьи и рода, «компромиссная родственная группа»⁸. При таком взгляде на клан неудивительно, что Мёрдок уделяет ему мало внимания.

Приходится констатировать, однако, что и советские этнографы уделяют общине меньше внимания, чем семье и роду. Так, Л. Я. Штернберг главное свое внимание сосредоточил на семье и роде⁹. То же делали другие этнографы-сибиреведы. В результате община в ее разных формах у народов Сибири изучена слабо. «В литературе мы не находим, — пишут Б. О. Долгих и М. Г. Левин, — достаточно точного определения сущности этих территориальных группировок (соседских общин), их границ, их истории и тех отношений, которые образуют их внутреннюю связь»¹⁰. Авторы указывают, что они называют эти группировки «соседскими общинами», так как в каждую из них входят члены нескольких разных родов.

Если мы возьмем серию «Народы мира», то и здесь перед нами откроется та же картина: даны детальные сведения о брачных классах, родах, фратриях; подробно охарактеризована семья и ее жилище, будь это изба, хата, юрта, яранга, чум, вигвам, типи, иглу, кажим, хоган и т. д. Но очень мало сведений об общине, будь это кайнга, коро, нуку в Океании; деса, кото, дусун, кампонг, нагари в Индонезии; хель, кири у африканцев; крааль у банту и готтентотов в Африке; аил, айл, паул в Сибири; лишь изредка дается характеристика поселений (деревень, стойбищ и т. д.).

⁷ С. П. Толстов, Проблемы дородового общества, «Сов. этнография», 1931, № 3—4, стр. 93—102; С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, №№ 2—6; П. П. Ефименко, Дородовое общество, М.—Л., 1934.

⁸ G. P. Murdock, Указ. раб., стр. 68.

⁹ Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-восточной Азии, Л., 1934.

¹⁰ Б. О. Долгих, М. Г. Левин, Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии», нов. серия (далее ТИЭ), т. XIV, 1951, стр. 107.

Между тем, жизнь в стойбище или деревне, где ежедневно соприкасаются люди разных родов, представляет для понимания первобытно-общинных отношений огромный интерес. Папуасская деревня, например, это не просто группа хижин, в каждой из которых ютится семья, имеющая свои хлопоты и заботы. Это — место жительства хозяйственной единицы, и жизнь в деревне подчинена интересам общины в целом, при этом интересы каждой из входящих в нее семей нередко ущемляются. Состояние постоянной готовности мужчин к совместному труду, к обороне от врагов, к нападению на них неизбежно ведет к сужению сферы семейной жизни, к ослаблению семейных уз. Мужчины, составляющие ядро общины, проводят в ряде племен свободное от работы время в мужском доме, куда их женам, сестрам и детям запрещено входить под страхом смерти. Женщины живут в женских хижинах. Некоторые исследователи, наблюдая это, пришли даже к выводу, что семья у папуасов вообще отсутствует, что, конечно, неверно. Но, если учесть эти факты, то можно сказать, что община у папуасов состоит не из семей, а из взрослого мужского ядра, из временной части (сестры мужчин, которые после брака уйдут в другие деревни), и пришлой части (жены мужчин, пришедшие из других деревень).

Возведение общины, не совпадающей с родом, на тот пьедестал (основная ячейка первобытности), на котором до недавних пор стоял род, позволит, мне кажется, по-новому поставить некоторые еще нерешенные проблемы.

Проблема соотношения родовой общины и рода — это очень сложная и разветвленная проблема, и ее надо разрабатывать конкретно в связи с такими институтами, как территория общины (родовая или общинная территория), вождь общины (родовой или общинный вождь) и т. п., при этом однозначное решение (община или род) в принципе невозможно. Общинные и родовые линии скрещиваются и переплетаются, и проблема состоит именно в выявлении соотношения между ними.

Что касается проблемы соотношения рода и патронимии, то тут дело обстоит значительно проще. Патронимия возникает на стадии перехода от родовой общины к общине большесемейной.

Кстати, термин «большесемейная община» вовсе не означает, что община состоит обязательно из одной большой семьи. Напротив, в поселении живет, как правило, несколько больших семей, каждая из которых в известной мере обособлена экономически (возникает обособленная, по терминологии Энгельса, собственность на землю и скот¹), а также социально и идеологически. Именно поэтому, при разрастании большой семьи и дроблении ее на части, последние могут уходить в другие общины, сохраняя при этом следы былого единства в хозяйстве, обычаях, празднествах, представлениях. Так возникает, с одной стороны, гетерогенная община, основная ячейка, состоящая из больших семей, не связанных общностью происхождения, а с другой — группа родственных больших семей, которые могут жить в одной или в разных общинах и которую М. О. Косвен назвал патронимией. Она играет сравнительно второстепенную роль.

Термин «патронимия» представляется мне, однако, не вполне удачным. Во-первых, эта группа может называться не только по имени мужского предка, но и как-либо иначе. Во-вторых, встречаются, на той же ступени развития, наряду с патрилинейными (например, у полинезийцев), также и матрилинейные группы больших семей (например, у индейцев северо-западного побережья Северной Америки).

Целесообразно здесь сказать несколько слов о дислокальном браке. Он отмечен у таких племен и народностей, как наяры в Индии, минанг-

кабау в Индонезии, аша в Океании, ашанти и эве в Африке, ирокезы и мескалеро в Северной Америке, наси в Юго-Западном Китае, и у некоторых других. В целом можно сказать, что дислокальный брак встречается, во-первых, очень редко; во-вторых, у народов довольно высоко-развитых; в-третьих, у народов с гетерогенной общиной, где возможны браки внутри деревни; в-четвертых, у народов с матрилинейной большой семьей и (в недавнем прошлом) с патрилокальным браком. У всех этих народов, под влиянием разных факторов, происходит переход от большой семьи к малой, и от матри- к патрилокальности. В этих условиях иногда возникает, в борьбе тенденций большой и малой семей, состояние равновесия, когда мужчина уже не уходит в большую семью жены, а женщина еще не идет в малую семью мужа. Каждый из них живет в своей большой семье (в одной и той же деревне). Таких браков, однако, немного (менее 50%), и дислокальный характер их обычно является временным.

Мне представляется, что в статье М. В. Крюкова есть ценные положения, например о несовпадении рода с родовой общиной и родовых отношений с производственными. Появление этой статьи в журнале — в целом отрадный факт. Привлекает также внимание недавнее высказывание А. И. Першица и Н. Н. Чебоксарова: «Хотя бы одно то бесспорное обстоятельство, что как при патрилокальном, так и при патрилокальном поселении большинство общины составляли члены одного рода, показывает, что род и община в значительной степени совпадали друг с другом»¹¹. Возникает вопрос, нельзя ли в этом усмотреть некоторый пересмотр положения, ранее высказанного одним из авторов этой статьи, о том, что «Производственные отношения в первобытной общине совпадали с материнско-родовыми отношениями»¹².

Однако противоречие между двумя различными точками зрения на соотношение рода и общины, существующее объективно и отмеченное недавно в энциклопедии¹³, этим не снимается. Во-первых, есть много родовых общин, в которых инородная часть составляет около половины их численного состава. Во-вторых, суть противоречия в том, что именно считать основной ячейкой первобытности — род, как полагают представители первой точки зрения, или родовую общину, не совпадающую с родом, как полагают представители второй.

М. В. Крюков на фоне двух различных точек зрения склонен занять промежуточную позицию. Он отвергает взгляд на род как на хозяйственную ячейку, но вместо него выдвигает не общину, а патронимию, которую предлагает называть кланом. В этой связи возникают три вопроса: 1) зачем называть хозяйственный коллектив, вслед за Мёрдоком, «кланом», если есть более точный термин «община», 2) почему не упомянуты В. М. Бахта, В. Р. Кабо, Ю. В. Маретин и другие советские этнографы, давно уже перенесшие акцент с изучения рода на изучение общины¹⁴,

¹¹ А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Полвека советской этнографии, «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 21.

¹² А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, в кн. «Проблемы истории первобытного общества», ТИЭ, т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 163.

¹³ «Советская историческая энциклопедия», статьи «Община», и «Первобытно-общинный строй», т. X, стр. 419 и 1007, М., 1967.

¹⁴ В. М. Бахта, Производительные силы папуасов залива Астролябии, «Океанийский этнографический сборник», ТИЭ, XXXVIII, М., 1957; его же, Общественное производство у аборигенов Австралии и папуасов восточной Новой Гвинеи, Автореферат канд. дисс., М., 1963; В. Р. Кабо, Становление классового общества у народов Океании, «Народы Азии и Африки», 1966, № 2; Ю. В. Маретин, Община минангабау и ее разложение, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», ТИЭ, т. LXXIII, М., 1961; его же, Община и ее типы в Индонезии, Доклад на VII Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

и 3) к чему упоминания о Фёрте и его гампге, которая хозяйственным коллективом не является и к теме статьи прямого отношения не имеет.

Приходится в заключение отметить, что о соотношении рода и общины (клана) М. В. Крюков сказал очень мало. В его статье, к сожалению, крайне слабо привлечен этнографический материал.

SUMMARY

The problem of a third type of social organization besides the gens and the family is the problem of the economic unit of primitive society. Such a unit is the community. Murdock designated the gens community «clan» and regarded it as of secondary importance (a «compromise group»); actually it is the gens community that is the basic cell of a developed primitive society. Firth did not regard the ramage as a territorial and economic unit; nor can the patronymy be regarded as such. Therefore the gens community («clan») should be distinguished from the patronymy; the use of the term «clan» for «patronymy» may result in additional confusion.
